

VERSION RUSSE ET COURT THÈME

I. VERSION

Однажды, войдя в гостиную Мережковских, — увидел я: полуприсев в воздухе, улыбалась мне довольно высокая и очень широкая, светловолосая, голубоглазая и гладколицая дама с головой, показавшейся очень огромной, с глазами тоже очень огромными; и тут же понял: она не стояла, — сидела на диване; а когда встала, то оказалась очень высокой, а не довольно высокой и только довольно широкой, а не очень широкой; это была Серафима Павловна Ремизова, супруга писателя.

Рядом с ней сидел ее муж с короткими ножками, едва достающими до пола, с туловищем ребенка в коричневом пиджачке, переломленном огромной сутулиной, с которой спадал темный плед; огромная в спину вдавленная голова, прижатая подбородком к крахмалу, являла собой сплошной лоб, глядящий морщинами, да до ужаса вставшие космы; смятое под ним придаток-личико являло б застывшее выражение ужаса, если бы не глазок: выскочив над очком, он лукавил; носчонок был пуговка; кривились губки под понуро висящими вниз усами туранца; борода — клинушком; щеки — выбриты; обнищавший туранец, некогда продавец ковров, явившийся из песков Гоби шаманствовать по квартирам, — вот первое впечатление.

Гиппиус рукою с лорнеткою соединила нас в воздухе:

— «Боря, — Алексей Михайлович! Алексей Михайлович, — Боря!»

Ремизов встал с дивана и, приговаривая, засеменял на меня; он выставил руку, совсем неожиданно сделав козу из пальцев:

— «А вот она — коза, коза!»

Но, подойдя, он серьезно и строго мне подал холодную лапку:

— «Алексей Ремизов».

И, встав на цыпочки, под подбородок, блеснул очком:

— «А я-то уже вот как вас знаю».

С тех пор автор романа «Пруд» высунут мне из-за каждой спины каждого посетителя журфиксов Розанова, Бердяева, Вячеслава Иванова; вот Бердяев, сотрясаясь тиком, обрывает речь и жадно хватает воздух дрожащими пальцами; Ремизов, выставясь из-за него, — мне блистает очком; и делает «козу»; а вот он, — сутуленький, маленький, — в том же свисющем с плеча пледике (ему холодно) выбравши жертвой великолепного Вячеслава Иванова, — таскается за ивановской фалдой; куда тот, — туда этот: пальцем показывает на фалду:

«У Вячеслава Иванова — нос в табаке... У Вячеслава Иванова — нос в табаке...»

Это тонкий намек на какое-то «толстое» обстоятельство: экивоки, смешочки писателя, взявшего на себя в этом обществе роль Эзопа, — всегда не случайны: не то — безобидны, не то — очень злы; и он сам не то — добренький, не то — злой; не то — прост, не то — хитрая «бестия»; он ко мне пристаёт; и я жалуясь на него Гиппиус.

Та — меня успокаивать.

— «Что вы, Боря? Алексей-то Михайлыч? Да это — умнейший, честнейший, серьезнейший человек, видящий насквозь каждого; коли он «юродит» — так из ума. Что вынес он в заточении? К нему привязался садист жандарм, за что-то взбесившийся; он насильно гнал Ремизова из камеры, заставляя будто бы свободно прогуливаться по городу; а товарищи по заключению удивлялись: «Ремизов на свободе!» Жандарм даже таскал его насильно с собою в театр; и перед всем городом оказывал ему знаки внимания; все для того, чтоб прошел слух: Ремизов — провокатор... А тяжелое детство, вечная нищета эта! Тень пережитого — в больном юродничанье; это — маска боли его».

А. Белый *Между двух революций*

II. THÈME

« Mon ami, me confia-t-il, le temps passe et ne travaille pas pour moi... Ma conscience est inaccessible aux remords, je suis libéré, Dieu merci ! de ces timidités... Ce ne sont pas les crimes qui se comptent en ce monde... Il y a longtemps qu'on y a renoncé... Ce sont les gaffes*... Et je crois en avoir commis une... Tout à fait irrémédiable...

– En volant les conserves ?

– Oui, j'avais cru cela malin, imaginez ! Pour me faire soustraire à la bataille et de cette façon, honteux, mais vivant encore, pour revenir en la paix comme on revient, exténué, à la surface de la mer après un long plongeon... J'ai bien failli réussir... Mais la guerre dure décidément trop longtemps... On ne conçoit plus à mesure qu'elle s'allonge d'individus suffisamment dégoûtants pour dégoûter la Patrie... Elle s'est mise à accepter tous les sacrifices, d'où qu'ils viennent, toutes les viandes la Patrie... Elle est devenue infiniment indulgente dans le choix de ses martyrs la Patrie ! »

L.-F. Céline, *Voyage au bout de la nuit*.

*gaffe : promax